

*Жесип**Калымбетова*

СУДЬБА И ЕЕ УРОКИ

Главы из автобиографического романа

8

В летние месяцы Мама готовила колхозную брынзу. Аульные женщины брали себе на доение овцематок из колхозной отары, правда, не помню их поголовье. Надоенное молоко они сдавали учетчику. Тот устанавливал количество молока специальным мерным ведром с длинной металлической линейкой и собирал молоко во фляги. Затем записывал результат в свой блокнот напротив фамилии доярки. Все собранное овечье молоко учетчик привозил к нам домой. До сих пор в моей памяти мамин способ приготовления брынзы.

Сначала она пропускала молоко через трехслойную марлю, очищая от мусора, затем наливала в огромный казан. Но не варила, а лишь подогревала. Дождавшись, когда молоко достигало определенной степени тепла, Мама насыпала туда мерной ложкой нужное количество белого порошка закваски, хорошо перемешивала, потом плотно закрывала казан крышкой, заворачивала в тряпье и оставляла на несколько часов. После того как молоко заквашивалось, она открывала крышку и хорошенько остужала полученный продукт. Если не остудить, получался слишком большой выход сыворотки и мало самой брынзы. Затем содержимое казана выливалось в холщовый мешок и вывешивалось.

После того как прекращала капать из мешка сыворотка, Мама выкладывала загустевшую массу на покрытый холстом высокий стол, формировала из него прямоугольник высотой примерно двадцать сантиметров, накрывала краями холста и сверху придавливала ровной доской с положенными на неё тяжелыми предметами. Два-три дня продукт сушился и прессовался. Полученный полуфабрикат она резала на квадратные куски и опускала в специальное деревянное корыто с соленой водой. Ежедневно брынзу надо было переворачивать. В назначенный день приезжал приемщик и увозил брынзу. Вес продукта он предварительно записывал в блокнот. Это была готовая к употреблению брынза.

9

При жизни Мама, когда начинало входить в моду обучение на русском языке, ее городские девери обещали забрать меня в Караганду и устроить там в русскую школу. Теперь же, когда ее не стало, они пошли на попятную, сетуя на то, что не

могут забрать меня без разрешения старшего брата Айдархана, у которого я жила. Причина крылась также в том, что каждое лето они проводили в ауле, в доме того же брата. В те годы санаториев было мало, путевки туда достать было трудно. Да и то, если повезет, путевка давалась непосредственно самому работнику, а в семье четыре человека. Каждый год надеяться на путевки не приходилось, поскольку есть такое понятие, как очередность. Итак, убегая от карагандинского смога, летней жары, горожане приезжали к нам, в аул. Купались в озере, ели натуральную пищу. Они быстро привыкали к этому «курорту» с бесплатным питанием и обслуживанием. А обслуживать их приходилось мне...

Таким вот образом воля моих благодетелей, обещавших мне счастливую жизнь, вскоре сошла на нет, и эта тема постепенно закрылась. С окончанием мной девятого класса число тех, кто кормил меня пустыми обещаниями и распускал сплетни, значительно сократилось.

Жена дяди Айдархана тетя Батес была очень умной женщиной с твердым характером. Она была серьезной, не раскрывала себя в разговорах, да и сплетни о других не поддерживала. С женской половиной родни не водила особой дружбы, не секретничала. Они побаивались высказывать ей свои мнения. С соседями также держала себя осторожно. Одним словом, рот без повода не открывала, была немногословной. Даже в безмятежные радостные дни сноха не поддавалась чувствам. Но зато тетя Батес обладала редким даром слушателя, умело пропускала через свое миропонимание услышанное, анализировала, делала выводы и нужное откладывала в памяти.

Светлокожее лицо ее обычно отражало только удивление и сожаление. Одними своими спокойными движениями сноха могла установить порядок, поставить на место и заткнуть легкомысленного человека. Радость и страх также просеивались через сито ее понимания и только потом выставлялись напоказ.

Батес-тате отличалась от своих сверстниц еще одним достоинством – своей мастеровитостью. В послевоенные годы легкая промышленность еще не успела восстановиться, и существовал большой дефицит в одежде. Но в доме моего дяди эта нехватка не ощущалась, поскольку тетя Батес обшивала всю семью. С большим мастерством она шила любую одежду и головные уборы: легкие платья, чапаны, пальто, камзолы, фуфайки, шубы, малахаи, шапки-ушанки. У нее имелась специальная деревянная колодка для пошива головных уборов. На эту колодку сноха натягивала выделанную кожу, обмеряла, выкраивала или стегала малахай из плотной ткани.

Известно, что не каждая женщина умеет содержать в порядке и чистоте постельные принадлежности. Тетя Батес шила и стегала лоскутные одеяла. Хорошо владела такими ремеслами, как валяние кошмы, изготовление напольных ковров сырмаков, вышивание узоров на настенных коврах, вязание пуховых шалей и шерстяных чулок. Женщины, обделенные способностями к подобным занятиям, делали заказы тете и расплачивались работой, помогая нам по многочисленным хозяйственным делам.

Бросая взор в прошлое, я прихожу к выводу, что сноха Батес только и занималась тем, что принимала и обслуживала родню Айдархана-ага. Никого из ее родичей я не видела. В течение одиннадцати лет, проведенных мной в этом доме, я также ни разу не была свидетелем ее стычек и ссор с мужем. Порой у меня зарождалась каверзная мысль, что весь пар она выпускала на меня и отводила

душу, расправляясь со мной. Однако, что правда, то правда, мои самые близкие родственники Айдархан-агатай и Батес-тате жили в ладу и мире друг с другом, являя собой пример образцовой семьи.

Дядя Айдархан был крепкого, плотного телосложения, умный и находчивый. Он имел большие организаторские способности, был энергичным и предприимчивым руководителем. Будучи вспыльчивым и горячим, дядя не хранил зла в сердце, быстро отходил. Согласно поговорке: «Гнев хорошего человека до тех пор, пока шелковый платок не высохнет», он заводился с полуоборота, но так же быстро остывал.

Айдархан-ага был известен и уважаем в масштабах района. Его всегда посылали в слабые, отстающие колхозы, и нам приходилось примерно раз в три года переселяться по новому назначению. Таким образом ему пришлось в разные годы возглавлять несколько хозяйств Каркаралинского района. Особенно мне запомнилось, что в 1951 году за восстановление отсталых колхозов и вывода их в передовые мой дядя и председатель сельсовета были награждены поездкой в Москву, на Выставку достижений народного хозяйства. В то время редкому человеку выпадала на долю такая награда. Выражаясь современным языком, это была сенсация. Другими словами, почет, которого удостоивались лишь избранные даже среди министров, не говоря уже о скромных председателях колхоза. В сталинские времена само звание «передовик» казалось чем-то очень высоким, сродни Нобелевской премии.

Итак, после того как дядя с сельским старостой благополучно возвратились из Москвы, к нам в гости была приглашена вся аульная элита: агроном, зоотехник, бухгалтер, директор школы и другие. Два путешественника принялись наперебой, воодушевленно рассказывать о своей поездке. В гостиной сидели только мужчины, а жены их расположились в соседней комнате и тоже внимательно слушали, соблюдая тишину.

В Москве их разместили в отличной гостинице. «Каждое утро пол в нашем номере чисто-начисто мыли, мы даже не замечали, когда это происходило. А другая женщина каждый день меняла еще не успевшее загрязниться белоснежное постельное белье на чистое. В гостинице была чудо-печь с голубым пламенем. Оно нисколько не дымило. На этом голубом пламени быстро кипятился чай, варилась еда», – рассказывали они с изумлением.

Услышав это, сидящие в соседней комнате женщины недоверчиво засмеялись и защипали щеки:

– Ну, Айдархан, ты скажешь! Кто поверит, что на пламени можно сварить еду?

«Совестно говорить такое! Преувеличить, конечно, можно, но ведь не до такой степени», – сомневались они и посмеивались, желая выставить Айдархана-ага луном. Слушая эти разговоры, я стыдилась за дядю и огорчалась: «Действительно, почему он так обманывает? Что заставляет его так поступать?»

Позже, в 1960 году, приехав в Алматы, я увидела вначале керогаз, потом и газовую плиту с голубым пламенем и посмеялась над тогдашним нашим недоверием: «Получается, вся вина моего агатая заключалась в том, что он раньше нас увидел газовую печь в Москве!».

Недюжинный ум моего дяди можно заметить по одному только примеру. В период сдачи финансового отчета он приводил домой бухгалтера и счетовода.

Имея всего лишь четырехклассное образование, дядя, бойко щелкая костяшками деревянных счетов, находил ошибки в их расчетах и исправлял. Преданный член партии, он готов был трудиться, не жалея сил.

Айдархан-ага постоянно поднимал поголовье скота, получал высокие урожаи зерновых, обновлял технику, перевыполнял план, выводя руководимое им хозяйство в передовики. И таким образом удостаивался авторитета и славы. Когда приходило время переезжать в другой колхоз, жители покидаемого нами аула приглашали по очереди дядю и тетю в гости, угощали, благодарили и осыпали почетом. Те, кто не успел пригласить, прямо перед отъездом появлялись у нашего дома с подарком в виде овцы, на худой конец, курицы, таким вот «натуральным» образом выражая свою удовлетворенность работой председателя. Находились и такие, которые вызывались провожать до половины пути.

Но наделенный уважением и славой среди людей, дядя мой был совершенно равнодушным и черствым по отношению ко мне. Это вводило меня в недоумение, обижало и расстраивало до глубины души. Меня гложет горькое сожаление, что, прожив в его доме одиннадцать лет, я не услышала доброго слова от него. Видит Аллах, он ни разу не погладил меня по голове как родную племянницу, до конца жизни своей рукой не одарил меня даже монетой. Постоянно казалось, что дядя видит во мне лишь некое живое существо в форме «служанки». Даже ради духов почивших старшего брата и снохи он ни разу не защитил меня, делая вид, что ничего не видит и не замечает. По этим причинам мои искренние родственные порывы и сочувствие к нему совсем угасли, а сердце охладело и очерствело. И в самом деле, странное поведение дяди вызывало во мне болезненное недоумение, я горевала, печалилась, мучилась, обижалась...

10

Начиная с четвертого класса я доила коров. Встав ни свет ни заря, успевала подоить двух-трех коров, вместе с Айдарханом-ага привязать кобыл, а потом выгнать овец в общую аульную отару, которую вел на выпас дежуривший в тот день житель аула. Через каждые полтора-два часа я доила кобыл, взбалтывала мутовкой кумыс, сепарировала молоко, взбивала масло и выполняла еще много других дел: ставила тесто, жарила баурсаки, варила курт и иримшик, стирала, гладила белье.

Но самым хлопотным делом для меня в те годы была побелка дома. Как только на небе появлялись тучи, мы умоляли Аллаха, чтобы рассеял их, ибо, когда шел сильный дождь, крыша протекала. Это создавало большие неудобства, сокращая наше спальное пространство. Чтобы домашние вещи не промокли, мы заблаговременно упаковывали их в баулы и укрывали сверху. Нас больше устраивал мелкий морозящий дождь, и мы просили Бога о нем. Такой дождь был всем на руку: у нас не протекала крыша, а в полях посевы получали необходимую влагу, так как, в отличие от ливней, эта дождевая вода проникала глубоко в землю и питала корни растений.

В то время мы не знали, что такое известь. Белили стены белой глиной. Она сильно пачкала одежду, поэтому стены понизу обшивали ситцем. Полы были земляные. Чтобы пыль не поднималась, мы периодически смазывали их смесью глины и навоза. Позже появился толь, и жизнь наша облегчилась. Толем покрыли крышу и закрепили его камнями. С тех пор дождь перестал для нас быть поме-

хой. Полы также выстлали толем и мыли его, благо, это был не такой трудоемкий процесс, как смазывание их глиной.

Новшеством в аульной жизни стала подвесная фитильная лампа. Свет, исходящий от висящей в центре потолка лампы с абажуром, равномерно освещал всю комнату, к тому же абажур защищал потолок от копоти. Можно сказать, что эта лампа была предшественницей современной люстры. Трудно передать словами страсть людей того времени к любым новшествам. Устремленность к учебе и овладению знаниями, освоение всех изменений и новинок в сфере быта вкупе с искренним желанием работать основательно и серьезно привели к высоким результатам.

Радиоприемники на аккумуляторах вытеснили патефоны. Даже самые мелкие и простые нововведения способствовали улучшению быта и оказали особое влияние. Люди начали изготавливать саманные кирпичи, смешивая с глиной солому. Из этих кирпичей строились приятные взору дома с прямыми стенами, которые украшали улицы. Народ окончательно перешел на оседлый образ жизни. В каждом населенном пункте в обязательном порядке строились начальная школа, контора, клуб. Люди с энтузиазмом принимали участие в благоустройстве аульной жизни, в росте и развитии села. В клубе один-два раза в неделю показывали привозное кино. Народ воспрял духом, почувствовал вкус к жизни и стал с надеждой смотреть в будущее. Молодежь активно потянулась к учебе. Живо интересуясь каждой новостью, каждым новым событием, юноши и девушки старались не отстать от своих сверстников.

Я тоже мечтала поскорее окончить школу. В ауле была только семилетка, и я не скрывала своего желания учиться дальше. Беря во внимание мою страсть к дальнейшему обучению, родственники отправили меня в райцентр, где я окончила восьмой класс, живя у маминого брата Шынгыса-агатая. На следующий год сюда приехала продолжать обучение в восьмом классе дочь Айдархана-ага Катира, а меня перевели жить к сватье этого дома. Сватья была добропорядочной уравновешенной пожилой женщиной, супругой покойного Сыздыка-кажы¹. Она воспитывала двух внуков, и мы жили вчетвером. Сватья заботилась обо мне, как о своей дочери, лелеяла. В то время ей уже было за семьдесят.

А в десятом классе меня отправили в третий дом, к дяде Омиржану. Дело в том, что жена его, Бибижар-тате, была беременна. Они с мужем много лет ждали этого ребенка. Меня определили к ним, чтобы помогать тете по хозяйству, то есть создать условия для благополучных родов. Здесь также с пониманием отнеслись ко мне, я была сыта, одета и обута.

В те годы после окончания восьмилетки учащиеся имели право поступать в медицинские и педагогические училища, зооветеринарные и прочие техникумы. Сноха Батес выступила против того, чтобы я продолжала учебу в девятом классе.

– Хватит! – отрезала она. – Я не видела еще девушек, которые бы выучились и стали инженерами.

Я не послушалась. Но, памятуя о моей неуступчивости, она постыдилась огласки. Когда я училась в девятом классе, заболел мой старший брат Сырым-ага и вскоре скончался. Для меня это было сильным горем и большой утратой. Он

¹ Кажы – хаджи, мусульманин, совершивший паломничество в Мекку.

говаривал было: «Жаныл, когда я женюсь, заберу тебя к себе». Приезжая в аул на каникулы, брат собирал в нашем доме своих аульных сверстников. Они вели задушевные беседы, слушали радио, играли в шахматы, на домбре. Молодежь тянулась в Сырым, видимо, по той причине, что от него можно было многое узнать, многому научиться. В связи со слабым здоровьем он не смог учиться в вузе.

В моем классе преподавала русский язык и литературу приехавшая по направлению из Украины девушка Людмила Сергейчук. Она была влюблена в моего брата Сырыма. Однажды передала ему через меня носовой платочек с вышитым с краю нежным цветочком.

– Кто это передал? – спросил Сырым, быстро взглядывая на меня.

Я молча протянула ему маленькую записку от той же Людмилы и вышла. С того дня девушка начала приходить к нам и подолгу беседовать с Сырымом. Она была очень миловидной и деликатной. Бросались в глаза ее культура, скромность и воспитанность. Когда я ненароком входила в комнату, где они сидели, Людмила застенчиво улыбалась, и щеки ее покрывались румянцем. Я не понимала по-русски, но и без слов было ясно, что они влюблены друг в друга. Скорее всего, я была единственной свидетельницей их любви. Когда Сырыма не стало, я часто вспоминала эту девушку и проливала слезы.

Ах, мой агатай, ушедший совсем молодым, не успев завести семью! Пусть земля ему будет пухом! Что мне еще сказать...

Сырыма похоронили на нашем родовом кладбище в Каркаралы. После того как все церемонии похорон были закончены, родичи в один голос начали меня просить, чтобы я вернулась в аул и помогла снохе Батес.

– Она же сейчас в скорби. Учеба от тебя никуда не денется. В следующем году продолжишь, – сказал Айдархан-ага.

Я, не мешкая, быстро вернулась в дом к сватье и заперлась в комнате. До сих пор мне, уже семидесятичетырехлетней, неизвестно, кто долго стучался в дверь, а потом ушел. И позже никто меня не спросил, почему я не открыла дверь, никто не предъявил обвинений.

Было две причины, по которым я не отперла тогда дверь. Первая: в 1947 году из-за смерти матери я не попала в школу и потеряла год. Во-вторых, мне пришлось второй год учиться в девятом классе. И получалось, что школу я окончу на два года позже других, к тому же не со своим классом, а с чужим. Для меня было лучше и приятнее окончить школу со своим классом. Еще один момент: я опасалась, что, уехав в аул, не смогу продолжать учебу... Сделав такие выводы, я уснула крепким сном и проспала до утра следующего дня. Наверняка сказала еще сильная усталость. Хозяйка дома, сватья, также до конца своей жизни не спросила меня, почему я не отперла дверь. Выяснилось, что они увезли вместо меня свою дочь Катиру, учившуюся в восьмом классе. Катира так и не продолжила учебы...

Эта моя двоюродная сестренка была больна еще до того, как я поселилась у дяди. По нужде ее сажали на горшок. При этом она очень мучилась. Девочку показывали врачам, но те так и не смогли поставить верный диагноз и не лечили ее. По ночам она ходила под себя. Я спала на полу подле кровати Катире. Ночью мне надо было несколько раз подниматься, будить ее и сажать на горшок. А если она обмочится, менять под ней постель. Будить ее было моей основной обязанностью. Иногда, сильно устав от домашних дел, я крепко засыпала, и Катира всю

ночь лежала на мокром. В таких случаях сноха ругала и била меня: «Чтоб тебя Бог покарал, подлая дрянь! И почему только он не наградил этой хворью тебя?!» Она просила меня в любое время года вывешивать пеленки во дворе, на воздухе, мол, там они быстрее высохнут. Даже зимой тетя настаивала на этом, мотивируя тем, что мороз уничтожает запах мочи. Если я забывала занести пеленки в дом, она колотила меня этими остекленевшими от мороза пеленками. Безвинно наказанная, я сильно огорчалась, злилась и несколько дней не поднимала девочку среди ночи, пока гнев мой не рассеивался. В такие дни сноха Батес вынуждена была сама будить дочь. Она приходила и минут пять будила ее, лаская, уговаривая, жалея. Девочка продолжала спать. Тогда тетя начинала тянуть ее за руки-ноги: «Вставай-ка, жеребенок мой...» Результат был тот же. Наконец, не выдержав, тетя приносила из сарая ковш ледяной воды и выливала ее на спящую дочь. Та просыпалась с испуганным криком. «Чего не просыпаешься?! Не померла же ты, окаянная?!» – кричала сноха в сердцах и осыпала ее проклятиями. Так тетя Батес лишь умножала работу, поскольку приходилось менять девочке одежду и все постельное белье.

Наблюдая такую жестокость, я истово благодарила Аллаха за то, что не была больной или увечной. Так свирепо обращаться с родной дочерью... «Тысяча благодарностей Создателю, каково было б мое положение, окажись я такой же больной?» – думала я с ужасом и по-детски, как умела, горячо выражала свою признательность Богу. Срывая на собственной дочери досаду и гнев, сноха одновременно жалела ее и наставляла меня: «Она не сможет черную работу делать, больная же! Ей надо учиться. Тебя хоть к камню привяжи, не помрешь! Ты и без учебы проживешь! Потому что ты – здоровая!» Тетя Батес заранее строила планы того, как любыми средствами отдалить меня от учебы.

11

Приблизилась пора окончания школы. Именно в это время Айдархан-ага велел зарезать лошадь и продать мясо на базаре Каркаралы. Тетя Сақып купила мяса и попросила дядю дать мне на вечер прощания со школой двадцать пять рублей. Дядя не дал, к тому же мы с ним давно не виделись. Оказывается, муж родной сестры Сақып-тате возглавлял отдел социального обеспечения народа, то есть ведал всей информацией по Каркаралинскому СОБЕСу, в том числе данными получателей материальной помощи по району. И лишь в конце учебы в школе я узнала, что по достижении восемнадцати лет матпомощь из этого органа не полагается. Сақып-тате, расстроенная тем, что дядя Айдархан не дал денег, добилась через этого своего зятя двухмесячного пособия матпомощи. Это тоже был обрывок жизненной тайны...

В связи с тем, что отец наш не возвратился с фронта, а мать рано ушла из жизни, согласно соответствующим документам, нам с младшим братом выплачивалась материальная помощь. Помимо этого, так как я жила на иждивении в доме Айдархана-ага, нам, как семье фронтовика, по закону полагалось держать поголовье скота сверх нормы, что и делалось. Обо всем этом я узнала лишь по окончании школы. Ни Айдархан-ага, ни Батес-тате, ни другие родственники по сей день не знают о том, что тайна сия мне известна.

Итак, дядя не дал мне получить аттестат и снова увез в аул. Ссылаясь на ограниченность во времени, также не позволил участвовать в выпускном вечере.

В доме дяди оказалась гостья по имени Сагира – дочь Саруар, внучатой племянницы тети Батес. Одно время ее муж Бейсен преподавал русский язык в школе колхоза «Бейбитшилик» («Мир»). Она издавна была осведомлена о выходках своей родственницы и поражалась моей стойкости. Три-четыре года мы жили по соседству. Сагира очень жалела меня. «Я бы хотела тебе помогать, но ведь она меня не слушает», – говорила Сагира с сожалением и болью. Жили они бедно. Старший брат ее, Токтар, был женат, а младший, Кайсар, холост. Конечно у них с тетей Батес была договоренность, потому что с моим приездом Сагира зачастила к нам, оставалась на три-четыре дня. Якобы помогая мне, доила кобыл и коров и всюду ходила за мной по пятам. Сноха Батес делала вид, что ничего не происходит. Наконец Сагира с трудом высказала то, за чем приезжала. Да и то сказать, сколько же ей гостить, пора и домой возвращаться. Она ведь жила в другом ауле.

– Жаныл, я бы хотела знать, какие у тебя планы. Несколько дней хожу вот, никак собраться не могу, не решаюсь тебе сказать... Хорошее намерение, приятные слова не каждому ведь выскажешь, а только тем, кто тебе по нраву. Будешь спутницей жизни Кайсаржану? Я еле осмелилась тебе сказать это. Или у тебя есть парень? Если есть, так и говори, не стесняйся, я не обижусь... – проговорила она.

Я, хоть и предчувствовала такой оборот дела, но все же испугалась и выдала на одном дыхании:

– Тате, я учиться хочу, скоро уеду. Первого августа начинаются экзамены.

Об этом я пока не отважилась уведомить домашних. Сомневаясь в том, что меня отпустят учиться дальше, я все-таки подумала, пусть хотя бы от Сагиры узнают о моем непоколебимом желании. Мне не терпелось узнать их мнение. В душе я надеялась, что они сами предложат мне учиться, поинтересуются, куда я хочу поступать.

– Ну, ладно тогда. Я загостилась, пора возвращаться домой, – вздохнула Сагира. – Желаю, чтобы твои мечты осуществились, пусть будет так, как ты хочешь! Ты сможешь учиться, мыслишь верно. Я подумала, что ты не хочешь учиться, прости. Пожалуйста, не говори тете Батес о моих словах, – попросила она и уехала.

Тетя Батес несколько дней безмолвствовала, не подавая виду, потом спросила:

– Пойдешь на курсы продавцов? Специальность неплохая. Не видела я, чтобы девушка выучилась на инженера, – вновь высказала она свое прежнее мнение. – Учиться целых пять лет для девушки очень долго и трудно. У нас средств нет. Всей семьей живем лишь на зарплату Айдархана. Самат тоже нынче перевелся в Алматы, в пединститут, у него еще три года учебы. При переводе один год, видно, потерялся.

Я промолчала. Подумала, что посоветаются с дядей и придут к какому-то решению. Меж тем, дни стремительно бежали, однако все еще никакого заключительного решения не было. Неизвестность измучила меня. Я жаждала лишь одного – учиться, и ни о чем другом думать не хотела. Вскоре приехал домой мой двоюродный брат Самат. Увидев меня, он удивился:

– Жаныл, ты до сих пор здесь? Разве ты не поехала поступать? – он очень расстроился: – Ты ведь и документы не успеешь собрать. Сколько справок нужно, фотокарточек... Да и на дорогу время необходимо... Она же опаздывает на учебу, почему не отпустили ее? – обратился он к отцу и матери, повышая голос. – По-

чему хотя б немного денег не дали? Да, она могла не поступить, все равно надо было отпустить ее! – эти его слова произвели на меня сильное действие. Также я поняла, что опоздала.

Наутро я узнала, что остановившиеся у нас уполномоченные уезжают в Каркаралы на машине, которая была послана за ними и попутно привезла Самата. Это были инспектора, приехавшие из области для проверки заготовок корма для скота. Я быстро собрала вещи и уселась в машине, надеясь, что при чужих людях мои родичи постыдятся высаживать меня оттуда.

Мои надежды не оправдались. Дядя и тетя, несмотря на мои протестующие вопли, вытащили меня из машины и заперли в сарае. Дождавшись, когда инспектора отъехали на расстояние, сноха Батес вывела меня из сарая и сильно побила.

– Ты, девка, лишила нас доброго имени! Стыдом покрыла, опозорила при уполномоченных! – закричала она и принялась обливать меня страшными проклятиями. Лившиеся дождем жуткие слова эти стрелами вонзались в мое сердце.

Во дворе стояла юрта, которую обычно раскидывали летом для приема гостей. Я забежала туда, заперлась изнутри и не выходила два дня.

На третий день тетя Батес пригрозила:

– Если не отопрешь, дверь взломаем!

Когда я вышла, она несколько раз пнула меня ногой и сказала:

– Хочешь уехать, уезжай прямо сейчас, подлая тварь! В райцентр машина едет.

Я влезла в подъехавшую к дому машину и села там. Ничего с собой не взяла. Сноха принесла и дала мне свое, собственноручно пошитое, осеннее драповое пальто. Я приняла, не стала сопротивляться.

Приехала в Каркаралы, а школа закрыта. Было пятое или шестое августа. Таким образом, я не смогла получить аттестата и с пустыми руками вернулась домой. Без этого документа бесполезно было куда-либо ехать. Так наступил сентябрь. Хотела было все-таки съездить за аттестатом, началось ворчание: зачем, мол, все равно опоздала, поедешь на будущий год. Все были настроены на то, чтобы любыми способами задержать меня дома. Мне ничего не оставалось, как сбежать в одной из машин, возящих с полей зерно на элеваторы Караганды. В этот раз у меня в руках был домашний адрес и городской телефон дяди Турганбая. Эти данные мне оставил Самат. Уезжая, он сказал мне: «Жаныл, я жду тебя в Караганде. Ты должна успеть туда с документами, пока я не уехал в Алматы».

Оказалось, что Самат-ага уже покинул Караганду, так как в связи с переводом в столичный институт ему необходимо было уладить дела с документами.

Как только я вошла в квартиру Турганбая-ага, он усадил меня на кухне, поставил на стол черный хлеб, сахар-песок и налил мне черного чая, а сам начал ходить туда-сюда между кухней и прихожей, рассказывая мне о сложившейся ситуации. Объяснив все, он вдруг задумался и начал отговаривать меня: «Приезжай, дорогуша, в следующем году, сейчас ведь всюду учеба уже началась».

Оказалось, что в его квартире уже жил шурин Серик, студент второго курса пединститута, а также собиралась жить дочь Каирхана Раушан, поступившая в фабрично-заводское училище (ФЗУ). У самого Турганбая было двое маленьких сыновей – Мурат и Марат. Я подумала и предложила:

– Ага, тогда я пойду работать.

Он быстро отреагировал на мое предложение и начал рассуждать вслух:

– Раушан после окончания восьмилетки поступила в ФЗУ и учится там на портниху. Учеба двухгодичная. Ты тоже пойдешь туда?.. Но тебя могут и не взять, хоть там принимают без экзаменов, мест свободных может не быть, к тому же ты опоздала. Ну, ладно. Завтра я пойду и узнаю всё что надо, – заключил Турганбай-ага.

Он выполнил свое обещание и, не откладывая на завтра, вечером того же дня узнал все сведения. В связи с тем, что в ФЗУ готовили работников для своей фабрики, там принимали заявления до двадцатого сентября. Окончившим десятилетку срок учебы сокращался до года. Меня посадили в автобус и отправили в Каркаралы за аттестатом. Гонимая страхом возвращения домой, где мне навсегда может закрыться дорога к учебе, я приложила все усилия, чтобы получить наконец аттестат и паспорт.

Одним словом, в этот раз удача улыбнулась мне, и я успела поступить в училище. Мне посчастливилось занять место рядом с Раушан. За какие-нибудь полтора месяца вся работа этого дома легла на мои плечи. Уже в те годы у них была стиральная машина, но мы ею не пользовались, так как туда требовалось много белья. Я каждый день вручную стирала вещи двух сыновей Турганбая. Кроме того, я готовила еду, убирала квартиру и делала еще много разных дел. Но нынче все было иначе, чем у дяди Айдархана. Ведь теперь я училась, и новый режим дня, хоть и был плотным, меня полностью устраивал. Мы учились хорошо и жили дружно.

Старыми, дореформенными деньгами мы получали сто восемьдесят рублей стипендии. Обе отдавали ее агатаю. Утром на фабрику ходили пешком, по пути заводили детей в детсад.

Незаметно подоспел и ноябрьский праздник. В те годы это было большое торжество, и долгом каждого считалось участие в праздничном параде. «Несознательных элементов» заставляли ходить силой.

После парада Раушан сказала мне:

– Жаныл, ты еще ничего не видела, давай погуляем, я покажу тебе город.

Она родилась в Караганде, отец ее работал на шахте. Поскольку я жила у разных людей, зависима от их настроения, от домашней работы, и не привыкла уходить без спросу, то сказала: «Им это может не понравиться, давай вернемся домой». Но Раушан возразила: «Ты ведь не каждый день ходишь гулять. Сегодня праздник, ругать не будут».

Итак, мы сели на трамвай и отправились на экскурсию по Караганде. Приехав в новую часть города, в кинотеатре Дворца спорта посмотрели фильм «Отчий дом» и вернулись домой.

Как известно, осенью темнеет рано. Были глубокие сумерки, почти как ночью. Я вошла в нашу комнату и стояла у окна, стыдливо пощипывая щеки и нерешительно топчась на месте, не зная, как выйти из комнаты. Но сестренка Раушан вымыла руки в ванной, спокойно вошла в кухню, где все домочадцы сидели за ужином, и присоединилась к ним. В тот вечер у нас гостила Калимаш, жена старшего брата моего отца Сырлыбая. Ей было уже восемьдесят, и мы называли ее «аже» (бабушка). Кроме нее за столом сидели шурин Турганбая Серик, жена Базиля и двое сынишек.

Пока я стояла в комнате растерянная, робая и волнуясь, мучительно решая вопрос, как мне выйти наружу, внезапно в комнату ворвался Турганбай-ага:

– Отойди, я открою форточку. Начиная с завтрашнего дня найму человека для уборки квартиры. Чего ты стоишь тут? Ничего не делай! – он собрал висевшие на батарее отопления полотенца, швырнул их на пол и вышел, выключив свет.

Уши и лицо его были красными. Затем агай, выключив свет в кухне и в коридоре, ушел в свою комнату. Сидевшие в кухне оторопели. Они включили свет снова, но прекратили застольную беседу и, быстро закончив ужин, отправились по своим местам.

Этот неожиданный поступок Турганбая-ага мне показался совершенно бестактным, грубым, верхом неприличия. Он сильно ударил по моему честолюбию. Калимаш-аже была туговата на ухо, но она все поняла по тому, как странным образом потух свет.

– Ах, мой жеребенок! Куда бы ты ни пристроилась, нет тебе покоя, это все из-за твоего сиротства, – говорила она, трясась от плача. – Сиротинушка моя, что же мне делать! Ты – сирота, твой братик Куаныш – сирота, Шорман – сирота. Никак для вас день светлый не наступает!

Шорман был ее внуком. Отца его расстреляли вследствие сталинских репрессий, а мать вышла замуж за другого.

Бабушка знала всю родню наперечет, как свои десять пальцев. Она была в курсе всех родственных проблем и понимала их.

– Когда нет отца-матери, вот так и будет. Пока сами не встанете на ноги, постоянно будете терпеть унижения и нужду. Ах, жеребенок мой!.. – аже прижимала меня к себе, жалостливо гладила по голове.

Каждое слово ее проникало мне в самое сердце, заставляя еще сильнее, еще глубже почувствовать свое сиротство, и горький, безысходный плач сотрясал все мое существо. До самого утра я не сомкнула глаз. Утром вышла из дому, как будто бы в училище. Да пропади все пропадом! Больше не хочу быть зависимой от кого бы то ни было, от голода не умру. Я пришла к выводу, что буду снимать квартиру. Не пошла на занятия, весь день провела в поисках комнаты. Я договорилась с русской женщиной, которая работала уборщицей в редакции газеты «Орталык Казакстан» («Центральный Казахстан») и жила в том же доме, на третьем этаже.

– Найди еще двух девушек, так обойдется дешевле. Будете каждая платить мне по семьдесят рублей, – сказала она.

В тот же день я предложила снимать вместе комнату двум девушкам – Амантай и Баги, ездившим в училище издалека. Они согласились, не раздумывая, потому что Карагандинская швейная фабрика находилась на бульваре Мира, очень близко, не нужно ехать на автобусе. Обе девушки оказались из полноценных зажиточных семей. В просторном, в сорок квадратных метров, помещении хозяйка отделила нам фанерной перегородкой комнату.

Я нашла жилье ближе к обеду, однако за чемоданом и вещами пришла, когда стемнело. Конечно, мне было бы сподручней забрать вещи при свете дня, но я решила не попадаться на глаза соседей, чтобы не ронять престижа и чести агадая. Когда я пришла домой, мне показалось, что Турганбай-ага задумчив, признает, что допустил ошибку, и сожалеет о ней. Раушан еще днем, на занятиях, узнала о моем намерении и теперь обливалась слезами. Я вытащила вещи в коридор и обувалась, когда Турганбай-ага вышел из комнаты.

– Ну, куда ты собралась? – спросил он.

– Квартиру сняла.

– Нет, у тебя нет никакого права уходить куда-то. Фабрика подаст на тебя в суд, так как ты взяла у нее деньги. Только после того, как возместишь этот долг, ты сможешь уходить, – сказал он, пытаясь запугать меня.

Но, поняв, что эти слова на меня не подействовали, он принялся устрашать по-другому:

– Я должен передать тебя в руки Айдархана-ага. Я за тебя в ответе и рискую тоже быть осужденным.

– Я больше не вернусь в Айдархану-ага, никогда не вернусь! Лучше умру с голоду, – сказала я твердо.

В это время в прихожую вышла сноха Базиля и начала упрашивать меня притворно кротким голосом:

– Прости дяде эти несколько слов. Я ведь тебя никогда не обижала...

Агатай заставил Раушан занести мои вещи в комнату. Я настояла на том, чтобы она снова вынесла, взяла их и покинула квартиру. Сестренка быстро оделась, выскочила и помогла мне поймать такси.

Таким вот образом я освободилась от унижений и глумления родственников. Благодаря гордому и крепкому духу своему одним махом я избавилась от ущебного рабского существования, от зомбирования изо дня в день. Я беззаветно верила в себя, в свои силы и, ничего не страшась, разрубил этот узел, приняла смелое решение. К тому же, как говорится, любому терпению приходит конец...

Это был, пожалуй, самый знаменательный день моей жизни, наполненный до краев радостью. Простой человеческой радостью. Свобода, как основное условие счастья, стояла для меня тогда на первом месте. В тот день я чувствовала себя победителем, покорившим вершины счастья. Впервые я шагнула на территорию, где никому не позволено больше топтать мою честь и достоинство. Я упивалась свободой, которая была гарантом новой вехи независимости, и потому ее ценность и значимость взлетали до недостижимых высот.

Получив свободу, я ощутила, как с плеч упал огромный груз. Вместе с тем я поняла, что начался новый этап моей жизни, где мне придется самостоятельно превозмогать все невзгоды и трудности, преодолевать любые перевалы и переправы.

Прежде всего, я поставила цель: жить без помощи моих родичей, не брать у них ни копейки. Первым моим действием стало прошение, написанное руководству фабрики. В нем я уведомляла о том, что отец мой пропал без вести в Отечественную войну, мать умерла, когда мне было семь лет. Простение было удовлетворено, и я получила талоны на бесплатное питание в фабричной столовой. Талон выдавался на один месяц, в течение которого я могла обедать и ужинать в столовой.

На фабрике шили теплые зимние женские пальто. Я получила пальто и обувь в качестве матпомощи. Сто пять из ста восьмидесяти рублей стипендии удерживали дополнительно в счет питания, семьдесят я вносила за оплату жилья, таким образом, на руках у меня оставалось всего пять рублей.

В те годы фабрика работала в режиме шестидневки, с одним выходным днем. Восемьдесят копеек – стоимость питания за субботний день, в который столовая была закрыта, – мне выдавали на руки. На эти деньги я покупала мыло, булку хлеба и на оставшиеся пятнадцать копеек ходила в баню.

По поговорке: «Если верблюду нужна колючка, он протягивает шею», я не ленилась и работала с усердием. Первая смена начиналась в семь часов утра. В это время я находилась на занятиях. Отобедав, я спешила, чтобы успеть во вторую смену. Учащимся не разрешалось работать полный рабочий день. Я работала три-четыре часа и имела дополнительный бюджет к стипендии. К третьей смене нас вообще не допускали, ибо мы еще не освоили полную программу обучения, да и опыта у нас не было. В каждой смене в одной бригаде, например, в цехе пошиву пальто для мальчиков, работало не менее шестидесяти человек. Ежедневно бывало так, что три-четыре работницы не выходили в смену по разным причинам: либо сами заболели, либо дети. Я заменяла этих женщин и хорошо освоила их пошивочные операции. Наматывание, сшивание отдельных деталей выкройки, насаживание рукавов, воротников, карманов, глажение, – всеми этими мелкими операциями я овладела качественно. Этот приработок дал мне возможность обновить гардероб.

Со временем я набралась опыта по всем существующим методам пошива верхней одежды и уверенно могла заменять любую портниху. Это способствовало дальнейшему росту практических знаний в портняжьем ремесле, что, в свою очередь, повышало мой финансовый статус.

В конце смены мы имели возможность узнать размер заработной суммы, так как на каждом рабочем месте в машину был встроен счетчик, фиксирующий проделанные операции и плату за них. Это было очень удобное введение, потому что в день получения зарплаты легко решались все вопросы. Каждая портниха записывала номера пошитых ею пальто, и при обнаружении брака всегда можно было выявить виновницу. У нее удерживали из зарплаты стоимость всех изделий, в которых был допущен брак.

В течение всего года я ждала, что кто-нибудь из родственников разыщет меня, наведается. Беспокоилась, надеялась. Проходя через вахту, я видела Турганбая-ага, навещавшего Раушан. Ее отец приходился ему родным братом и был еще жив. Склонив голову на левое плечо, Турганбай-ага стоял, держа сетку с незначительным содержимым на дне, и делал вид, что не замечает меня. . .

Я поражаюсь необъяснимой черствости всей моей родни. Было известно, что Айдархан-ага раз в месяц приезжал в Караганду по делам. Складывалось впечатление, будто вместе со сгинувшим на войне старшим братом и умершей снохой исчезло все, что связывало его с ними, стерлось из памяти. И не было ему теперь дела до племянницы-сиротки Жаныл, не интересовало его, как она живет тут, чем дышит.

В народе говорят: «Разочарование подобно смерти». В сердце моем давным-давно угас огонь надежды относительно моих родственников, и я окончательно убедилась в том, что моя судьба никого не трогала, не волновала. . .

По окончании учебы я сразу устроилась на работу. Первый свой отпуск продолжительностью в двенадцать дней так и не использовала. А куда, к кому мне было ехать? Да, я очень соскучилась по своим двоюродным братьям и сестрам, с которыми провела детство и отрочество. Хотелось съездить к ним, повидаться, но меня сдерживало тревожное волнение. Целый год я жила, с открытым забралом выходя на поединок со своей судьбой, не встречая никого из аульных, из родни,

и теперь не желала снова столкнуться с прежним их неприятием, вздорными, колючими словами. Победил защитный рефлекс не бередить старые раны, не испытывать чувств обиды и унижения.

Через десять месяцев пришел черед нового отпуска. В этот раз дали восемнадцать дней. Я опять не знала, куда направить стопы. Учившиеся в Алматы одноклассницы звали в гости. Я решила отпраздновать Первомай в Алматы и 27 апреля 1960 года села в поезд. В восемь тридцать утра поезд привез меня в столицу. Я никого не предупредила о своем приезде. Диспетчер объявил о том, что поезд прибыл на вокзал «Алматы-1», я испугалась: «Ой-бай, сколько же всего Алматы?». Прибежала к проводнице и спросила: «КазГУ в какой Алматы находится?» Она успокоила меня: «Не бойтесь. Мы постоим на этом вокзале двадцать минут и тронемся в Алматы-2. Я вам скажу, когда прибудем».

Выйдя из поезда, я разузнала у людей, как добраться до центра, и села в «первый» троллейбус. Вышла на указанной остановке и залюбовалась Домом правительства, величественно возвышавшимся в лучах наступающего дня. Я прогулялась по его окрестностям. В это время года в нашей Караганде в тенистых местах еще лежали сугробы снега. А здесь весна вошла уже в свою полную силу, деревья нарядились яркой зеленой листвой.

От клумб с разноцветными тюльпанами и алыми каннами вокруг Дома правительства трудно было оторвать глаза. Хвойные деревья, разновидности туи, карагачи, клены и многие другие посадки перемежались друг с другом. Журчащие арыки с прозрачной водой освежали напоенный ароматами весны воздух и придавали общей картине особую прелесть. Фонтаны, разбрасывающие брызги по красивым траекториям, также вносили свою лепту в неповторимый микроклимат окрестностей Дома правительства. Заглядевшись на узорную клумбу с яркими цветами и не веря своим глазам, я ощутила себя словно в каком-то чудесном райском саду. В этот момент перед моими глазами возникла Караганда с пронизывающими холодными ветрами и лежащими в тени до самого конца мая снежными сугробами. «Бывает же такая красота в природе!» – восхитилась я.

Чувство ликования, вызванное созерцанием прекрасных видов, зародило в душе робкие мечты. В майском климате столицы я заметила одно замечательное свойство: каждый вечер шел дождь, который отмывал от осевшей за день пыли зеленую листву деревьев и цветы, асфальтовые дороги улиц, и утром город просыпался, дыша свежестью и чистотой. И потому утренний воздух был особенно приятен и полезен для дыхания.

Дом правительства тех времен располагался на пересечении Коммунистического проспекта (ныне Абылай-хана) и улицы Октябрьской (ныне Казыбек Би). Мой двоюродный брат Досжан, сын Сырлыбая, старшего брата моего отца, жил в этом районе. Я показала какому-то прохожему его адрес. Тот объяснил: «Вам не нужно садиться в транспорт, это совсем рядом. Дом находится в квадрате Коммунистического проспекта, улиц Гоголя, Панфилова и Октябрьской, за этой зеленой изгородью». Я спустилась вниз и вошла за ограду. Сноха Майра сидела во дворе и чистила сазана. Она видела меня в Караганде в возрасте шести-семи лет, помнила, что мне не довелось учиться в русской школе, и я вернулась в аул. Майра-гате сразу узнала меня.

Дом их оказался обычным одноэтажным, с печным отоплением, вроде сельского. И вода, и туалет были снаружи. Сноха поставила на керогаз сковороду,

нажарила рыбы, накрыла стол к обеду, и начались разговоры. Расспросили обо всех близких и дальних родственниках. Оказывается, они тут были совершенно не в курсе моих новостей. Я заикнулась было о том, что, по возможности, хотела бы поступить в институт. Но ни кузен мой Досжан, ни сноха эту идею не поддержали. Видимо, они боялись, что я начну просить их о помощи.

– Поступить в институт в Алматы очень трудно, практически невозможно. Экзаменаторы пропускают абитуриентов только за взятки, за деньги. Да и для этого нужно найти надежного человека. А найти опять-таки очень тяжело, все остерегаются быть пойманными с поличным, – сказал агай. – Я устроил Майю и Культай в институт иностранных языков. Никакой благодарности. Обе учатся плохо. Культай на французском отделении, Майя – на английском, в этом году оканчивают второй курс. Они попали туда только благодаря тому, что я там работаю. Возможно, не смогут сдать экзамены и будут отчислены, – заключил он.

Я поняла, к чему клонил агай, но ни слова не сказала.

– А тебе самой какая профессия нравится? – спросил он.

– Я хочу стать юристом, – ответила я.

– Туда вообще не поступишь! На этом факультете большой конкурс: на одно место пятнадцать-двадцать абитуриентов.

Позже я узнала, что специального юридического института нет, а на факультет университета действительно много желающих попасть.

– А как насчет факультета географии, какой там конкурс? – поинтересовалась я.

– Такая профессия имеется и в КазГУ, и в КазПИ, и в ЖенПИ, – продолжал агай разговор.

В это время пришел сын Айдархана-ага Самат, учившийся в КазГУ на физико-математическом факультете.

– О, Жаныл, ты откуда?! – удивился и обрадовался он, обнял меня, поцеловал и окружил вниманием.

Из разговора с Саматом мне стало ясно, что он скрыл от алматинцев то, как и когда я покинула их дом в ауле, поскольку ему известно было мнение его родителей обо мне. К тому же, он чувствовал вину за то, что, будучи мне братом, не интересовался, где я обитаю, в каких условиях. По этой причине ему не хватило смелости спросить, почему я здесь, зачем приехала.

Оказывается, Самат пришел, чтобы взять посуду напрокат. По традиции, уроженцы Каркаралы каждый праздник проводили вечер земляков, арендуя помещение в части города, называемой Горный Гигант.

– Будь наготове к шести часам вечера. Я приеду за тобой, – сказал он мне.

Самат приехал за мной в назначенное время. В один вечер я увиделась со всеми моими земляками, познакомилась с детьми моих нагаши² и повеселилась на славу. Учившиеся со мной в одной школе ребята, а также одноклассники в один голос желали, чтобы я осталась здесь и поступила учиться. Им всем был по душе теплый климат Алматы. Они напомнили мне, что я уже потеряла два года, акцентировали внимание на серьезной подготовке к экзаменам, для чего требовалось время. Короче говоря, каждый пытался дать мне посильный совет.

Главная моя тревога упиралась не в сдачу экзаменов, а в финансы. Возвращение в Караганду, потом – приезд обратно, аренда квартиры, питание, – на все это требовались деньги. И еще: буду ли получать стипендию в случае поступления?

² Нагаши – родственники по материнской линии.

Все мои думы о будущем, все мои мечты сосредоточились на денежной проблеме, не давая покоя ни днем, ни ночью. Я искала пути и возможности самостоятельного выхода из этого тупика. Голова моя кипела от мыслей, честолюбие распирало грудь. Я не знала, у кого спросить совета.

Все алматинские земляки наши очень хорошо знали Самата и его отца Айдархана-ага, знали высокое положение и авторитет этого человека. Дядя был большой величиной в масштабе района, слава его, как передового председателя гремела даже в области. Вполне возможно, они полагали, что я, будучи его племянницей, так же сорю деньгами, как и Самат...

Ходили слухи, что Айдархан-ага содействовал поступлению племянницы в столичный институт. О том, что я застряла в Караганде, многие не ведали. Не будешь же каждому рассказывать об этом, да и гордость не позволяла. К тому же я понимала, что от этих разговоров нет никакой пользы, помощи от кого-либо ждать не приходилось. Такие разговоры только бы порождали и раздували лишние сплетни. Услышавшие правду были бы способны разве что пожалеть меня. А их жалостливые слова сыпали бы соль на мои раны. Предчувствуя это, я никому ничего не сказала.

Пусть лучше думают, что у меня есть такой зажиточный, известный, могущественный дядя. Мне показалось более правильным придерживаться народной мудрости: «Бязь будет востребована благодаря славе ткани, дочь – благодаря славе отца».

Я утешала себя, как могла, но вопросы о том, что я буду делать без стипендии, как буду жить, сильно тревожили меня. Сверстницы успокаивали: «Не переживай, если не поступишь, устроишься портнихой на какую-нибудь фабрику здесь». Эти слова несколько приободрили меня.

Досжан-агатай до самого моего отъезда был занят задачей, как бы отправить меня восвояси. «Юридический городок далеко. Экзамены по-русски не сможешь сдать. Если дальше обучение будет на русском языке, стипендию не будешь получать», – таковы были его доводы. Поразмыслив, я приняла решение поступать в Женский педагогический институт и вернулась в Караганду.

Общение в течение недели со студенческой молодежью укрепило мою веру в получение высшего образования. В Караганде я приступила к работе, но все мысли мои были об Алматы, об учебе, и в течение двух месяцев я зарабатывала деньги, откладывая их для поездки.

13

Фабрика работала в три смены. Я постоянно выходила в две смены и добротнo, качественно выполняла самые сложные пошивочные операции. Ссылаясь на то, что я сирота и арендую квартиру, добилась у руководства выдачи мне ткани и ватина. Из них сшила два теплых одеяла. Разумеется, мне пришлось скрыть мои планы об уходе с работы. Потом купила подушку. Продала фабричным работницам несколько экземпляров дорогой одежды из своего гардероба. Также продала золотые часы, и в результате у меня набралась приличная сумма, которая бы обеспечила мне безбедное существование до поступления в институт.

Заблаговременно, имея в запасе около двух недель, я положила перед начальницей кадров фабрики заявление об увольнении по собственному желанию.

– Вы должны отработать на фабрике еще два года, так как получали пособие по бесплатному питанию и бесплатной одежде. Эти расходы вы должны покрыть своей работой, – сказала начальница кадров, строго глядя на меня. Из глаз моих полились слезы. – Чего плачете? Только через три года вы можете спокойно уходить, куда захотите. Таков закон нашего государства.

– Апа, я круглая сирота, мне надо поскорее выучиться и получить высшее образование. У меня еще есть младший брат, мне нужно помогать ему. В Алматы есть Женский педагогический институт, где обучают бесплатно. Пожалуйста, отпустите меня! Мне нужен двухгодичный стаж работы, тогда я смогу пройти без конкурса...

Начальница кадров была воспитана по-русски и ни слова не знала по-казахски. Невероятно, но она исправила мне стаж в трудовой книжке, добавив период обучения, написала «исправленному верить» и поставила печать. Затем молча протянула мне книжку. Кто знает, возможно, это был зов крови...

Женщина поставила подпись на моем заявлении и тепло напутствовала: «Желаю вам поступить!» Впервые в моей жизни настал день, когда дело решилось легко, без проволочек. И я посчитала это добрым знаком. Меня обуяло пьянящее чувство радости, окрыленная надеждой, я начала снова грезить будущим.

Первым делом я купила билет на поезд, затем решила сходить в баню. Когда я шла по улице Ленина, мне повстречался родной брат Мама Дихан. Он общался с Турганбаем-ага и видел меня у него. Дихан-нагаши не стал беречь мои раны, хотя был осведомлен о моем уходе из дома Турганбая-ага. Я растерялась и поговорила ему о том, что в ближайшие дни собираюсь ехать в Алматы учиться. Дядя Дихан не смог скрыть радости от этой вести. Он понял, что я двигаюсь в верном направлении, потому что был человеком грамотным, работал директором средней школы и знал цену образованию.

– В Алматы живет твой нагаши Кудайберген, сын Сыздыка, он сейчас служит на высоком посту. Ты можешь пожить у него, пока не поступишь на учебу.

Как говорится, «когда джигиту улыбается удача, то сношенька тут как тут»³. Неожиданно дядя Дихан написал мне номер своего телефона и сказал:

– Перед отъездом загляни к нам, вот адрес дома твоего Кудайбергена-нагаши.

В силу того, что мои связи с маминой родней после ее смерти оборвались, мне показалось неудобным посещение дома нагаши, и я ограничилась телефонным звонком. Даже если бы Дихан-нагаши собирался дать мне денег, все равно мне не хотелось идти к нему в роли просительницы.

Говорят, обжегший рот, прежде чем пить, дует. Я уже столько раз доверялась обещаниям родственников, которые на поверку оказывались пустой болтовней, ничего не стоящими словесами. Не оправдавшись, они вызывали лишь боль и разочарование, поэтому теперь я очень осторожно относилась к любым посулам, исходившим от них. Отчуждение от родичей матери и случайная встреча с одним из них вызвала, как всегда, сомнение в правдивости его теплых слов. Кое-как справившись с этим сомнением, отринув страхи, я решила позвонить на данный мне номер телефона.

³ По казахской традиции, снохи помогали юношам налаживать отношения с возлюбленными. Аналог русской поговорки: «На ловца и зверь бежит».

– Что же ты не заглянула к нам, жаним? – спросил дядя Дихан очень спокойным, приятным голосом. Этих слов было достаточно, чтобы сердце мое наполнилось ликованием, словно в кармане уже лежал студенческий билет.

Дядя продиктовал мне адрес и телефон Кудайбергенов-нагаши и добавил заботливо:

– Я позвоню ему и сообщу день твоего отъезда, номера поезда и вагона, пусть встретит тебя.

Вне себя от радости, я села в назначенный день в поезд. Как и было обещано, на вокзале меня встречала машина, посланная Кудайбергенем-нагаши. В ней, кроме шофера, был его младший сын Сакен.

Сноха оказалась кандидатом наук и именно в это время отдыхала в Крыму. Дома остались только сыновья Айбат и Сакен. Сам же Кудайберген-ага жил на даче и ездил на работу оттуда. Вернувшись из Крыма, сноха Саида тоже поселилась на даче и жила там до осени. Она передавала с дачи ведра с ягодами и фруктами, снабдив их сахаром. Мы сначала наедались ими, потом варили варенье. Остальной еды также было вдоволь, прямо-таки сплошное изобилие. Верно говорится: «Если будешь щедрым, не обеднеешь». Да, думала я, повезло снохе Саиде, такое счастье привалило.

Но я не заботилась о том, каково было понятие о счастье моих вновь приобретенных родичей. Для меня в тот период времени казалось счастьем обилие еды, за которую не надо платить.

Живя в том гостеприимном доме, я сдала все экзамены. Получив по химии тройку, сильно переживала. Однако в те годы, по указу Н. С. Хрущева, для абитуриентов, имевших двухгодичный стаж, существовала льгота, и они имели право проходить вне конкурса. Так я прошла вне конкурса и была принята на первый курс факультета естествознания и географии.

После этих удач и побед я дала себе клятву: «Я должна победить, в какую бы трудную ситуацию меня ни повергла жизнь, и впредь буду побеждать!» Эта клятва также стала моей высокой пожизненной целью. Поступление было моим третьим достижением. Но все еще тревожило опасение, что могу остаться без стипендии. И оно имело под собой основание.

Я отстала от своих сверстников, работая в течение двух лет на фабрике; учеба в казахской школе, неважное владение русским языком, – все это вместе стало причиной того, что в зимнюю сессию я завалила экзамен по гистологии, который велся на русском. Не смогла передать имевшиеся у меня знания. Таким образом лишилась четырнадцати рублей стипендии. Осталось только трехразовое бесплатное питание. А как же все остальное?.. Это обстоятельство стало для меня большим уроком.

Имевшие одну тройку по результатам сессии лишались стипендии, ибо питание было бесплатным. В группе из двадцати пяти человек стипендия должна была выплачиваться шестидесяти процентам, то есть тринадцати девушкам. Одна девушка в группе в течение всех пяти лет училась без стипендии. Получавшие ее скидывались ей по рублю, выходило тринадцать рублей.

После провала в первую сессию я добилась того, чтобы учиться хорошо, и получала стипендию до конца учебы. Даже эта малая сумма играла решающую роль в моей жизни, поскольку других денег ниоткуда не поступало. К счастью, с каждым курсом стипендия наша росла на два рубля, только на четвертом осталась прежней. Итак, на пятом курсе она уже была двадцать рублей.

После окончания первого курса я почувствовала радостную уверенность в себе. Теперь я могла, не стыдясь, ехать в родные места, имея право смело смотреть каждому в лицо. Сознание этого распирало меня, возносило до небес.

За три года я сильно соскучилась по домашним. Наверняка, учитывая мое новое положение, они изменили свое отношение ко мне в лучшую сторону, тоже соскучились. В надежде, что теперь встретят меня подобающим образом, я запланировала поехать в аул. Я чувствовала себя чуть ли не героиней, совершившей небывалый подвиг. «Своими силами поступила в одну из больших обителей учебы, это тоже героизм. Не каждому такое под силу: самостоятельно, преодолевая все преграды, поступить в институт. Не подвела дядю и тетю, являюсь настоящей студенткой. Истинно то, что храбро вступила на путь, ведущий к званию образованного человека. Скорее всего, они больше меня самой будут гордиться моими успехами», – примерно так думала я.

В обороте тогда были экономные и тем самым ценные сталинские деньги. Я взяла в долг пятьдесят рублей, накупила богатых подарков и, не заезжая к карагандинским родственникам, напрямик двинулась в аул. Оказалось, что дядя переехал из прежнего колхоза в совхоз. Они решили больше никуда не уезжать и построили дом. Я впервые появилась тут.

С самого порога я бросилась обнимать сноху Батес, из глаз моих полились слезы.

– Чтoб глаза твои вытекли, коварная дрянь! – сказала она зло и толкнула меня в грудь. – Сама сбежала! Поди прочь, не показывайся мне на глаза!

Эти слова точно ножом резанули меня. Я прилетела сюда по зову сердца, на крыльях надежды и тоски, думая, что поймут меня... Всем известно, что убежала я ради учебы, ради получения знаний. Не замуж убежала. Когда человек совершает такой поступок для достижения высокой цели, разве не достоин он снисхождения? Более того, я, наивная, полагала, что они похвалят меня, будут гордиться мной перед другими... Все мои светлые надежды были растоптаны. Радость потухла, как залитый водой огонь. Охваченная нанесенной болью, я горько и долго плакала, не понимая, за что наказана. Хотела уехать в тот же день...

Но, по иронии судьбы, автобус ходил в Каркаралы через день, да и то лишь в том случае, когда набиралось необходимое количество пассажиров. Я вынуждена была остаться, и ночью, лежа рядом с Катирой, излила ей всю свою бездонную печаль.

Утром я попросила соседа, имевшего трехколесный мотоцикл, отвезти меня в Каркаралы. И опять, не желая уронить честь своих родственников, я выдумала причину своего срочного отъезда и взмолилась:

– Ага, я должна немедленно ехать в Алматы, получила телеграмму. Оказывается, нас посылают на целину для уборки зерна. Если отстану, лишусь стипендии.

Сосед внял моей горячей просьбе. Так, не надеясь на аульный транспорт и не желая больше оставаться ни дня, я добралась до Каркаралы.

Как бы там ни было, я не могла заставить себя не скучать по моим родственникам. Не погрузить стопы в пыль родной земли, не опуститься благоговейно на колени, не утолить тоску по незабываемым родным краям, – разве такое возможно? Мне достаточно было просто со стороны полюбоваться на произошедшие пере-

мены к лучшему, насладиться радужными картинами новой жизни, взбодриться и, не заглядывая ни к кому, не переступая ничьего порога, уехать восвояси, увозя в сердце гордость за моих земляков.

Помимо всего прочего, родина была свидетельницей моих детских горестей и страданий. Эта земля впитала мои слезы, эти люди глотали пыль и плакали вместе со мной.

Я страстно хотела избавиться от тяжелых мыслей прошлого, очиститься, вдохнуть свежего степного воздуха и вернуться сильной, обновленной.

В автобусах Алматы я узнавала по облику или каким-то внутренним чутьем своих соплеменников и обращалась к ним с расспросами:

– Ты, случайно не сын такого-то, не брат? – и редко ошибалась...

Разумеется, после второго курса я не поехала в аул, не стала больше пытаться судьбу и наносить новые раны своему и без того травмированному сердцу. Я отправилась в гости к сокурснице Галие, в Меркенский район Джамбулской области. Она давно приглашала меня. Начавшаяся в далеком 1960 году наша с ней дружба не прерывалась никогда.

14

Вот и третий курс позади. Да будут благословенны предки, говорившие: «Побежденный не насытится борьбой». И снова меня потянуло на родину. Я металась, обуреваемая жгучим желанием сорваться в путь, не находила себе места. Это была чистая тоска, без примеси разных сомнений. Мне было совершенно безразлично, хорошо меня встретят родные или плохо. Я повзрослела и знала себе цену. Уверенность в том, что в любом случае найду пристанище, хотя бы у одноклассников, была непоколебима. Я хорошо ознакомилась с наукой различать «правое» и «левое», у меня повысилась способность предвидеть, предчувствовать. Итак, я направилась опять в родные пенаты, туда, где пролилась кровь из моей пуповины. На этот раз без боязни и колебаний.

Я решила не ехать сразу в аул, а нанести визит жившему в Каркаралы маминему старшему брату Тлеу. Мы не виделись с ним после смерти Мамы. Оказывается, уже прошло шестнадцать лет. Я собиралась лишь погостить у них пару дней и уехать. А они, бедолаги, впали в подозрения: чего это она вдруг явилась?

– Жаныл, дорогая, чего ты желаешь? Ковер, сырмак или текемет? – спросила меня жена моего нагаши, уже почтенная пожилая женщина.

Я впервые переступила порог этого дома и надеялась, что они обрадуются моему приезду. По всей видимости, мои нагаши были людьми не бедными. Оба сына и невестки работали. Не скрываю, я лелеяла мысль, что они помогут мне, поддержат деньгами. Куда мне девать их ковры и прочее имущество? Другое дело, если б я была замужем.

Я была потрясена и ими самими, и их речами. Внутри поднялось знакомое чувство разочарования. Самое неприятное заключалось в том, что все тамошние родственники отца знали о моем визите в этот дом. Конечно, они не преминут спросить: «Ну, и чем тебя одарили нагаши?» Что же я тогда отвечу им? Я готова была провалиться сквозь землю от стыда. Так, не солоно хлебавши, мне пришлось покинуть дом прижимистой родни. По дороге я думала с негодованием и болью: «Ах, моя дорогая Мама! Да будет светлой твоя обитель! Сердце твое готово было разорваться ради своей родни. Не стоят они твоих переживаний за них, твоих

растраченных душевных сил и здоровья. Я приехала к твоему родному брату, и вот... Зачем только я пошла к ним...»

Я брела, задыхаясь от распиравших мне грудь горьких чувств и хаотичных мыслей в голове. Навестила их невестку, лежавшую с ребенком в детской больнице. Она вышла ко мне, прижимая к груди младенца. Я не выдержала и поведала ей об оказанном мне приеме.

– Что мне сказать тебе? Я сама живу в этом доме. Мои свекор и свекровь словно созданы друг для друга. Оба очень жадные люди. Пожалуйста, не расстраивайся, – утешала меня молодая женщина.

И правда, что тут скажешь? Оставалось только вздохнуть, поражаясь в очередной раз скупости этих людей, заставлявшей их пренебрегать традициями и обычаями. «На нет и суда нет» – как это верно сказано!

Я решила не показываться на глаза другим родичам и, все еще раздраемая сожалением и досадой, добралась до центра. Там села в автобус и уехала в аул, к Айдархану-ага.

Именно теперь мне показалось, что мои разногласия с Айдарханом-ага и Батес-тате – это всё мелочи. Я воспитывалась в этом доме целых одиннадцать лет. Была накормлена, одета, обута. Да, я артачилась и заносилась тем, что много трудилась у них. Но, думаю, они все-таки относились ко мне по-божески. Если бы я тогда, поклонившись им в пояс за заботу, поступила учиться на курсы продавцов, как они того хотели, вышла бы замуж по их совету, то есть была бы послушной благодарной племянницей... Кто знает, возможно, довольные мной, они вознесли бы меня до небес. Таковы были мои мысли, продиктованные оскорбленным самолюбием. Но, когда поостыла и пришла в себя, благоразумие взяло верх, и я снова утвердилась в том, что поступила правильно, воспротивившись их воле и уехав учиться.

Слава Богу, я учусь и получаю знания, создаю фундамент для будущей жизни. Остальное – ничего не стоящие пустяки, проявления уязвленного эго. Если уж на то пошло, мне от них ничего не нужно, ни жалости их, ни подачек. Прими я от них что-нибудь, пришлось бы весь век считать себя обязанной им. Приводя такие доводы и утешая себя, я совсем успокоилась и угомонилась.

Действительно, в моменты таких эмоциональных потрясений память забрасывает тебя картинками разных ситуаций, заставляя взвешивать и сравнивать их. Приходится встречать и таких людей, которые, оказав один раз помощь, потом до самой могилы напоминают об этом и колют глаза. Нередко можно наблюдать, когда начинают ворошить забытое, отжившее прошлое после смерти человека, выжимая из глаз слезы.

Невольно вспомнились слова великого Абая: «У казахов нет плохих среди умерших, и нет порядочных среди живых». Поэтому я призвала себя к смирению. Скоро учеба моя придет к концу. Осталось меньше, чем пройдено. Устроюсь на работу, прошлое растает, как сон. «О, Аллах, благослови меня!» – вознесла я молитву. И ею поставила точку в моих размышлениях, которым предавалась по пути.

Вот и домой приехала. Прирученная к повадкам родни, не стала ничего предполагать. Как говорится, «привычный враг хорош для перестрелки».

В этот раз родственники встретили меня более приветливо. Возможно, мое двухлетнее отсутствие смягчило их сердца, или же они удостоверились в том, что я в скором времени получу высшее образование. Кто его знает...

В этот приезд они щедро одарили меня: дали сто рублей и большой отрез креп-жоржета. «Закажешь себе платье», – произнесла сноха. Это был первый и последний знак почета, оказанный мне семьей моего дяди.

15

Сразу же по приезде из аула, по студенческой традиции выезжать на целину, мы отправились в Костанайскую область на уборку зерна. Уже в третий раз нам выдалось ехать в эту область. В первый раз мы работали в Орджоникидзеvском районе, во второй – в Амангельдинском, а теперь нас направили в Карасуйский район. Я, как обычно, устроилась бригадным поваром. Вечерами вместе с девушками убирала зерно на току. И в результате мой доход был вдвое больше, чем у сокурсниц. Все три сезона я достаивалась похвальных грамот области за ударный труд (они хранятся в домашнем архиве).

Я никогда не одевалась плохо. Вкус и запросы мои были выше, чем у некоторых сверстниц. Зачастую мы покупали ткань, раскраивали ее и сажали на живульку у закройщиц, а затем шили себе платье либо костюм на дому у родственников или знакомых, пользуясь их швейной машинкой. Иногда обращались к услугам ателье, ибо предложение товаров в магазинах было скудным. Знакомые студентки нередко пользовались моей помощью в подборе ткани и фасона одежды. Также по их просьбе я уступала им свои вещи напрокат на особо торжественные случаи.

Студенческая молодежь в разных городах в те годы жила одинаковой жизнью. Главными признаками ее были спаянность, согласованность, взаимопонимание и дружелюбие. Мы были словно родные, так как умели выслушать и постараться понять друг друга. Морально-психологическая поддержка между нами, выражавшаяся в чутких, верных советах, была на высоте. Наши слова предостережения от опасности, сказанные с искренним чувством, имели благотворное действие.

На первом курсе в одной комнате нас было двадцать пять девушек, но мы жили дружно, «в тесноте, да не в обиде». Лишь на последних курсах произошло деление. У каждой из нас появились свои мнения, взгляды, вера в свою индивидуальность. Также играло роль наше взросление. Возникли трудности с подготовкой к занятиям. Все эти обстоятельства привели к тому, что мы начали объединяться по симпатиям и снимать квартиры. В те годы общежитием обеспечивались только первый и четвертый курсы, поскольку мест на всех не хватало. Поэтому студентки второго и третьего курсов вынуждены были арендовать жилье. По закону, лишенным общежития студентам институт выплачивал три рубля шестьдесят копеек «квартирных». Кроме того, им на руки выдавали двадцать четыре рубля восемьдесят копеек – стоимость талонов на питание. Соблюдая равноправие, все мы, независимо от материального состояния, стремились в быту не выходить за пределы этой суммы. Другими словами, в одинаковом положении находились и те, кто получал финансовую помощь от семьи, и такие, как я.

Бюджет распределялся следующим образом: десять рублей мы отдавали за аренду квартиры, четырнадцать рублей шестьдесят копеек уходило на питание, а на три рубля восемьдесят копеек мы покупали моющие средства, ходили в баню, в кино, в театр.

Все деньги находились у меня, так как я умела искусно расходовать их. Каждый день я делала калькуляцию продуктов для приготовления пищи и выдавала

необходимую сумму дежурившей девушке. Такая система позволяла нам быть всегда сытыми. Помимо этого, она освобождала каждую из нас от волнений и тревог о питании. Мы надеялись лишь на имевшийся лимит финансов и старались жить экономно.

Трудно передать словами добропорядочность и честность девушек того времени. Между нами установилось прочное взаимопонимание. Девушки, иногда получавшие из дому денежные переводы, никогда не скрывали этого. Мы сообща решали, как распределить эти деньги. В порядке очередности помогали тем, у кого возникла настоятельная необходимость купить обнову. Те позже возвращали взятую сумму.

Моменты такой взаимопомощи вызывали в получателях огромное чувство благодарности, всеобщую радость и сеяли в сердцах семена милосердия. Все делалось без малейшего огорчения, с пониманием. Время от времени мы играли в так называемую «кассу», которая собиралась из небольших взносов, выделяемых из нашей скромной стипендии. Эти деньги служили ощутимым подспорьем, позволявшим нам покупать одежду, так же, в порядке очередности.

Знакомство с молодым человеком выставлялось на общее обсуждение, ему устраивали «смотрины», затем вместе, на основе той же дружбы и солидарности, решали, насколько он хорош и подходит девушке. Если парень проваливал испытание, девушку не пускали на свидание. Учитывая такое понятие, как судьба, мы все же доверялись своей интуиции.

Показать нам претендента являлось делом нелегким. Мы не имели возможности принять его на квартире, в которой проживали. У нас недостаточно было средств, чтобы накрыть надлежащий стол, к тому же возникали дополнительные препятствия и заминки. Поэтому мы советовали девушке надоумить избранника пригласить нас в кино или театр. В большинстве случаев так и происходило.

Мы оценивали джигита по тому, как он выглядит, как одет, какова его речь и прочим большим и малым критериям. Взяв все это во внимание, выставляли на обсуждение и производили разбор. Каждая девушка, не скрывая, делилась своим впечатлением, замеченными ею достоинствами и недостатками рассматриваемой кандидатуры. А «виновница» данного процесса должна была до следующего свидания взвесить все сказанное подругами и сделать свои выводы. Она пропускала все через призму своего восприятия. После этого открыто высказывала нам свое несогласие с некоторыми моментами нашей оценки и либо шла на следующее свидание, либо отказывалась идти. В первом случае мы отправляли ее и строго определяли время, отпущенное на встречу. Если она задерживалась, всей группой шли на поиски.

Когда мы гурьбой возвращались из кино или театра, то позволяли этой паре еще часок погулять возле снимаемой нами квартиры, ибо бывало уже поздно, около полуночи. Позже до нас дошло, что это являлось неправомерным по отношению к влюбленным. И мы запоздало стыдились за свой поступок.

Как оказалось, чтобы узнать друг друга и найти темы для бесед, двум молодым требовалось какое-то время. Это мы осознали, когда каждая из нас очутилась на месте проходящей «экзамен» девушки. Как правило, первое время свидание проходило в молчании, пока не находились нужные слова. Бывали и такие джигиты, которые, не выдержав наших ограничений, покидали своих несостоявшихся подруг.

Ребята обычно приглашали девушек в кино или театр. Приглашение в ресторан, кафе или столовую считалось неудобным. Даже от угощения мороженым девушки конфузились, чувствуя себя обязанными. Поэтому любые намеки на такие широкие жесты пресекались.

Иногда девушка, которой парень очень понравился, соглашалась на первое свидание сразу. Однако джигит мог пропасть и не появляться целыми неделями. Бедняжка все глаза проглядывала в ожидании. В таких случаях мы приводили ее в чувство крепкими словами: «Откажи парню пару раз! Если ты действительно понравилась ему, никуда не денется, придет снова». И если этот джигит неожиданно появлялся, все радовались от души. Высказанные им оправдания мы сводили к одному, казавшемуся нам самым верным: у него были проблемы с деньгами. Разумеется, честолюбие не позволит молодому человеку сказать, что причина его отсутствия упирается в финансы. Но это не мешало нам провести и его через дальнейшие этапы проверки.

Мы не задумывались над тем, что в те трудные годы для студента-босняка было делом нелегким купить билеты в кино на всех девушек, оплатить проезд в транспорте. Понимание этого приходило позже...

Как бы там ни было, оказывается, нет ничего выше божьего промысла. Ты его любишь, а он тебя – нет. «Получит тот, кто бежит, или тот, кому суждено?». «За дочь мою придет сто человек, а уведет ее один», – воистину алмазные россыпи народной мудрости!

Замуж выходишь за того, кого называют суженым... Оказывается, всё в руках Создателя.

Еще один эпизод из жизни молодежи приходит мне на память. К примеру, парень приготовил одежду, чтобы надеть на свидание. А в его отсутствие пришел сокурсник, надел и ушел на вечеринку. Джигит ждет его, ждет и, не дождавшись, пропускает свидание. К надевшему костюм парню претензий не предъявлялось и упреков не высказывалось, поскольку это были взаимозаменяемые факты. Кто пришел первый, тот и надел. На трех-четырех студентов в комнате существовал один выходной костюм. Среди девушек такое случалось реже.

Подобный казус произошел с моим земляком по имени Ержан, который учился в Московском университете имени Ломоносова. А Дамеш училась там же, в Железнодорожном институте. Они оба были из Караганды. Ержан на каждое свидание приходил в разных по цвету и фасону костюмах, ибо его соседями по комнате были студенты-иностранцы. Определить социальное положение студента здесь было невозможно. Также бытовало понятие, что учившиеся в Москве студенты происходят не из простых семей. Ержан использовал все способы, чтобы понравиться Дамеш. На девушку произвели впечатление «костюмы» кавалера, и она сделала вывод, что родители его – богатые люди. Русские девушки, жившие с Дамеш, одобрили выбор соседки, так как Ержан проявил галантность и при каждом визите угощал их тортом, пирожными или мороженым. Завидев молодого человека, соседки искренне радовались: «Дамеш, идет твой миллионер». Они тоже отправляли девушку на свидание в красивых нарядах, чтобы она соответствовала избраннику.

– Поженились мы. И тут выяснилось, что он – сын бедного крестьянина, а я – дочь бедного железнодорожника! – весело смеясь, рассказывала Дамеш.

Вот в таких картинах жизни и выявляется, что у истинного счастья нет границ, размеров и уровней. Ержан и Дамеш произвели на свет сына и дочь, зажили друж-

ной семьей в достатке и благополучии, не хуже других. Изобилие, заработанное честным трудом и упорством, в согласии и взаимопонимании, оказалось полным блаженства, больших и малых радостей...

Мы тоже приближались к финалу нашей учебы. Страх не получить высшее образование остался позади. Из двадцати пяти девушек только одна была отчислена за неуспеваемость.

16

Уже совсем скоро тот день, когда я могу гордо прицепить к груди ромбик, свидетельствующий о высшем образовании. Каникулы после четвертого курса тоже на подступах. Я очень соскучилась по дому, по аулу. Здесь, в Алматы, я общалась только с Досжаном-ага. Как говорится, «пусть будет хотя бы один дом, куда ты можешь прийти, даже если это будет дом врага». И по субботам, после лекций я навещала свою родню. Возвращалась в воскресенье вечером. Так как это был частный дом, нам приходилось топить печь, выносить золу, таскать воду. Он находился на пересечении улицы Гоголя и проспекта Коммунистического. Позже там построили многоэтажный дом с гастрономом «Юбилейный» внизу. Я была довольна тем, что у меня в чужом городе был свой теплый угол, хотя здесь на мою долю, как всегда, выпадало много работы. Бывали случаи, когда я, работая не покладая рук, гладила одежду четырех детей Досжана-ага до трех часов ночи.

С годами, анализируя то время, я удивлялась: зачем я ходила туда, когда могла спокойно отдыхать у себя, питаюсь бесплатной пищей в столовой. Опять запоздалое сожаление...

Сноха Майра была очень чистоплотной женщиной, искусным кулинаром. Я научилась у нее многим рецептам. Вся работу в доме я выполняла беспрекословно и качественно, точно работала у них оплачиваемой домработницей, словно это было моим предначертанием, моей прямой обязанностью. И самым высшим подарком, верхом наслаждения было для меня посещение маленькой баньки, которая стояла на том месте, где позже появился роскошный банный комплекс «Арасан». Билет стоил всего пятнадцать копеек. Дело в том, что в доме моих родичей не было ни воды, ни ванной. Но я продолжала ходить к ним. До сих пор приходят мысли, что это было ребячеством. Однако, какое тут ребячество, ведь мне уже было двадцать четыре года.

Скорее всего, причина такого поведения в том, что я не умела проводить время бесцельно, привыкла быть домоседкой. Собственными ногами я ходила в тот дом, добровольно погружалась в пучину безрадостного труда и выполняла наперед всю недельную работу. Нет-нет да посетит шальная мысль, что за этот мой труд родня меня ни разу не отблагодарила хотя бы десятью или пятью рублями, сходи, мол, в кино. И снова я впадаю в горькое сожаление, что была так наивна и глупа.

Но надо отдать должное справедливости. Несмотря на сожаления по поводу растроченной звонкой энергии молодости, думаю, что благодаря этому мой авторитет среди девушек был очень высоким. Они советовались со мной во всем, учились у меня многому. Да и не стоит расстраиваться и горевать по прошлому, ибо все события жизни обогащают нас знанием и опытом, способствуют нашему росту и развитию. «Кочевье выравнивается по пути». Подобно этому, человек меняется, продвигаясь по жизненной дороге и осознавая свои дости-

жения и ошибки. Это обратная сторона пословицы: «Если б знал, что умру, сам бы выкопал себе хорошую могилу». Как мне кажется, жизнь привлекательна именно этими ошибками, ценна незнанием того рокового дня, когда наступит смерть. И слава Богу!

Да, я с искренним рвением и усердием выполняла работы по их дому. Уезжая отдыхать на три недели, родственники оставляли на меня своих четверых детей. Я бывала чрезвычайно горда тем, что удостоилась абсолютного доверия их и с еще большим рвением принималась за уборку, стирку, глажение и прочие дела. И даже «перевыполняла норму».

Нынче, когда я пишу эти строки, мне уже семьдесят четыре года. Но и теперь я не могу гарантировать, что в дальнейшей своей жизни не буду совершать ошибок. Об одном только прошу Всевышнего, чтобы все мои труды возвратились милостью для моих детей. Аминь!

Оказывается, Аллах все излишества и недостатки приводит в равновесие в соответствующее тому время. Он пропускает смертного через испытание, и если тот не усвоит урока, то насылает новый экзамен...

Перевод с казахского Раушан Байгужаевой

